

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2018-4-137-148

ЯЗЫК КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ В СВЕТЕ ИДЕЙ Э.С. БАУЭРА

Яковлев Андрей Александрович
доцент кафедры романских языков
и прикладной лингвистики ИФиЯК СФУ
г. Красноярск, пр. Свободный 82а
mr.koloboque@rambler.ru

В статье представлен анализ предмета психолингвистики с позиций некоторых идей Э.С. Бауэра. Язык понимается как достояние человека, т.е. как открытая самоорганизующаяся функциональная система образов, ассоциированных с материальной формой знаков, служащая посредством выражения мыслей и чувствований для организации своего и чужого поведения. Основное свойство языка состоит в устойчивом неравновесии между ним и внешней средой, которое сохраняется благодаря свободному знанию, пристрастному к миру и не сводимому к информации, получаемой извне. При воздействии извне, т.е. при изменении внешней среды, язык осуществляет деятельность, которая корректирует изменения, вызванные в самом языке воздействиями окружающей среды. Язык изменяет и внешнее воздействие, и свои внутренние связи и состояния. Явления сознания, обуславливающие такое двойное действие языка, — это опережающее отражение действительности и наличие в образах сознания личностного смысла. Диалектика языка обуславливается, с одной стороны, тем, что язык для поддержания неравновесия преломляет воспринимаемую извне информацию, с другой стороны — тем, что поступающая извне информация не переходит непосредственно в деятельность. Предмет психолингвистики определяется как закономерности того, каким образом и насколько сильно разные условия внешней среды и их изменения влияют при сохранении устойчивого неравновесия языка на изменение внутренней структуры образов, ассоциированных со словами, в общем и целом и относительно разных групп людей.

Ключевые слова: предмет психолингвистики, Эрвин Бауэр, устойчивое неравновесие, опережающее отражение, личностный смысл

Живое не поддается определению. Однозначно и исчерпывающим образом определить, что такое жизнь, невозможно. Однако наличие известной совокупности свойств, которыми обладает некоторая система, почти со стопроцентной вероятностью говорит о том, что эта система — живая, живой организм. Так, живое способно к самоподдержанию, размножению и получению энергии извне для осуществления своих функций, оно обладает наследственной информацией, передающейся потомкам, раздражимостью, подвижностью, обменом веществ. Тем не менее ни одно из этих свойств не является единственно достаточным или главным (какие из них имеются и у вирусов). Кроме того, живое и неживое не отличаются по какому-то однозначно определенному свойству; живое является живым в силу тех же универсальных законов природы, в силу которых неживое остается неживым.

Различия между живым и неживым определяется не каким-то особым состоянием или свойством, а сочетанием состояний и свойств.

Язык тоже проявляет свойства, которые можно сравнить со свойствами живых организмов (но именно лишь сравнить, о полном подобии языка и живого организма на манер А. Шлейхера говорить не приходится). Поэтому можно попытаться применить к нему не столько соответствующую логику рассуждения, сколько, так сказать, способ осмысления.

Книга Э.С. Бауэра с грандиозным названием «Теоретическая биология» вышла почти 100 лет назад [Бауэр 1935]. Более поздние исследования показали, что теория Э.С. Бауэра не оправдала себя в некоторых важных для нее пунктах, но основная идея – живая система как устойчиво неравновесная – не опровергнута и, видимо, не будет опровергнута. Чтение его книги наводит на мысль, что его суждения могут помочь разобраться в неравновесии языка как достоинства человека и его психики, как формы существования и проявления сознания, а также в том, какую роль в сохранении этого неравновесия играет личностный смысл.

Начать надо с основных положений и понятий, на которые будет опираться все дальнейшее.

Ниже язык все время (за единственным исключением) будет рассматриваться не как система научных абстракций, а как достоинство человека – открытая самоорганизующаяся функциональная система образов, ассоциированных с материальной формой знаков, служащая посредством выражения мыслей и чувствований для организации своего и чужого поведения. В такой трактовке мы придерживаемся отечественной традиции языкознания и психолингвистики [Залевская 2005: 33–34; Поливанов 2006: 40–41; Фортунатов 1956: 111–113]. Язык понимается как психическое явление, как форма (т.е. способ) существования сознания, что чрезвычайно важно для уяснения нижеизложенных суждений. Для простоты ниже всюду будет употребляться слово «язык» именно в таком содержании этого понятия. Кроме этого, слово «язык» будет употребляться в метонимическом смысле – как обозначение субъекта речевой деятельности (если говорится, например, что язык осуществляет деятельность, то имеется в виду, что человек с помощью языка осуществляет деятельность).

Под знанием всегда будет пониматься живое знание [Залевская 2007: 51–59; Зинченко 1998: 30–47; Ильенков 2009: 78–90], хотя так же для простоты будет употребляться одно только слово «знание». Живое знание – это такое знание, которое усвоено человеком с полным переживанием его как своего, как имеющего существенное значение для его жизни (не обязательно всей жизни). Живое знание не сводится к информации и ее получению. Живое знание не может быть повторено в его раз навсегда данном виде, оно строится каждый раз заново, возобновляется в каждом акте его использования в аффективно и лично окрашенной деятельности. В живом знании существен не только собственно интеллектуальный (когнитивный, познавательный) аспект, но и аспект эмоционально-личностный и в ряде случаев телесный (перцептивный). Кроме того, ниже будет говориться о свободном знании; оно понимается как такое живое знание, которое, будучи лично значимым, не зависит от непосредственно действующей потребности и не направлено на ее удовлетворение.

Жизнь языка состоит в том, что образы сознания в ходе деятельности человека (не только речевой) получают из внешнего мира некоторые «вещества» – информацию, которая, получая эмоционально-личностное преломление и изменяя опыт осуществления данной деятельности в условиях, схожих с данными, становится знанием. Образы сознания, вовлеченные в данное действие (а также связанные с ними), перестают быть такими, какими они были до этого действия. Разные условия и разные деятельности обуславливают разницу и в знании, а также в его выражении через язык.

Как представляется, нет надобности объяснять, что при всех своих достижениях традиционный (системно-структурный) подход к языку выявляет лишь закономерности проявления жизни языка, лишь **результат** закономерностей его движения, а не сами эти закономерности. Следовательно, традиционный подход является теорией проявления жизни языка в ходе истории, принимая во внимание только часть языковых явлений и не выявляя внутренних закономерностей, приводящих к этим явлениям.

Следует обратить внимание на то, что такие новые (или часто просто новомодные) направления языкознания, как, например, когнитивная лингвистика и психолингвистика, отличаются от традиционных (якобы сугубо описательных) совсем не только своим экспериментальным характером. Это отличие состоит в иной, углубленной постановке вопроса о сущности и движении языка. Экспериментальный метод в таком случае является ключевым, но не единственным средством решения возникающих задач. Важнейшее отличие этих направлений от традиционных состоит в стремлении найти законы движения языка и объяснить разнообразие форм их проявления в разных условиях. Задача состоит не только в углублении нашего понимания этих законов, но и в расширении той перспективы, с которой они рассматриваются. Законы жизни языка должны с необходимостью вытекать из основных законов, свойств и внутренних связей сознания человека.

Можно бесконечно долго вести психологические и психолингвистические эксперименты, но без **теории** языка (еще раз обратим внимание: именно в оговоренном выше смысле слова) невозможно понять закономерностей его жизни. А создание никакой теории не может быть обеспечено путем суммирования эмпирических фактов или результатов эмпирических исследований [Степин 2000: 141]. Для создания теории решающее значение приобретают не методы, а подлежащие объяснению явления в их существенных свойствах.

Традиционное языкознание дает общий принцип для объяснения многообразия форм и функций языков мира, теорию, охватывающую закономерности языковых систем, их происхождения и изменения. Теперь же ставится вопрос: «Возможна ли такая теория для языка, причем как независимо от исторических и социальных условий его жизни, так и в связи с этими условиями?» Иначе говоря: «Можно ли найти такие всеобщие законы жизни языка, которые действуют во всех формах его проявления, которые уже известны или возникнут в будущем и в основе которых лежат некоторые всеобщие закономерности человеческого сознания?» И этот вопрос равнозначен вопросу: «Имеет ли язык свои собственные законы?» А коль скоро языкознание есть наука о всех языковых явлениях, то такая постановка вопроса приводит и к другой: «Существует ли наука о языке? И если да, то каков ее предмет?»

Традиционное языкознание могло лишь констатировать наличие внешних сил, но объяснить их оно не могло (впрочем, и не ставило перед собой такой задачи), т.к. для этого надо понять внутренние законы языка (именно языка, а не одной лишь языковой системы). Но понять их можно, лишь представив в виде исторических закономерностей, т.е. таких, которые основываются на свойствах самого языка (как частных проявлений свойств сознания), а не только в силу действующих извне причин.

Таким образом, если языку приписываются особые, только ему свойственные законы движения, то следует признать наличие и необходимость поиска таких общих законов, которые лежат в основе частных законов лексики, онтогенеза языка и речи, семантики и т.д. Задача состоит в том, чтобы выразить в форме одного или нескольких законов то, что свойственно языку.

Психические процессы, протекающие в жизни языка, подчиняются законам психики и сознания, а равно и условиям общественной жизни и общения (вообще взаимодействия) людей. Это означает, что в языке действуют два рода факторов: внутренние (факторы сознания) и внешние (факторы языкового коллектива и культуры в целом).

Всякая живая система подразумевает активность, т.е. некоторое противодействие воздействиям окружающей среды и в то же время внесение некоторых изменений в окружающую среду [Бауэр 1935: 16–17]. Такая «двойная» активность означает, что в самой системе во время внешних воздействий происходят такие изменения, которые не являются следствием только изменений окружающей среды и действий внешних сил и первоначальных условий. Другими словами, в языке, как в живых системах, во время внешних воздействий происходит такая активность, которая изменяет первоначальные состояния самого языка, а за счет этого и эффект действия окружающей среды.

Коротко говоря, язык изменяет и внешнее воздействие, и свои внутренние связи и состояния.

Важно не то, чтобы каждое внешнее воздействие среды непременно сопровождалось внешне выраженной активной деятельностью языка, но то, чтобы происходили не только пассивные изменения, полностью и однозначно детерминированные условиями внешней среды. И хотя в науке принято считать восприятие речи именно целенаправленной и организованной деятельностью, мы здесь подразумеваем, что оно может быть и непреднамеренным, а изменения языка могут быть неконтролируемыми самим его субъектом.

Такое активное реагирование на внешние воздействия обеспечивается восприятием речи (имеется в виду не процесс восприятия в его протекании, а восприятие как потенциальная возможность такого процесса; речь же имеется в виду как устная, так и письменная). Под восприятием речи с позиций языка понимается свойство языка, в силу которого на изменения внешней среды (не обязательно направленные непосредственно на язык или на данного индивида) язык отвечает изменением собственных состояний и внутренних связей. Причем даже при многократных воздействиях внешней среды язык не теряет способности к изменению внутренних связей вследствие восприятия речи. Такие изменения не выводятся непосредственно из воздействий окружающей среды, а конечный

эффект действия изменений среды не соответствует «силе» этого воздействия. Незначительные с виду воздействия могут вызвать значительные изменения языка, как и наоборот. Кроме того, воздействие оказывается на одну «область» языка и вообще сознания, а конечное изменение захватывает и другие тоже (или только другие) «области» языка. Так, в одном случае воздействие может оказываться только на мыслительную, эмоциональную или перцептивную «сферу» сознания, но в результате этого будет изменяться также и язык. В другом случае воздействие на язык не будет подразумевать воздействия на эмоционально-личностный аспект связанных с языковыми знаками образов, а эти последние тем не менее будут претерпевать в значительной мере именно эмоционально-личностное изменение.

Сказанное приводит к выводу: первая закономерность, которой подчиняется язык и его жизнь, состоит в том, что при неизменной социокультурной внешней среде язык не находится в равновесии, а обладает свободным знанием (излишним с точки зрения внешней среды), которое может быть реализовано в действии без внешнего воздействия на язык. Социокультурная среда может быть ограничена двумя людьми, а может расширяться до всего языкового коллектива; важно, что субъекты ее связаны не случайными, а регулярными отношениями межличностного и/или социально-экономического порядка. Вторая закономерность состоит в том, что при каком-либо воздействии извне, т.е. при некотором изменении внешней среды, язык осуществляет некоторую деятельность, которая корректирует и влияет на изменения, вызванные в самом языке воздействиями окружающей среды. Отсюда следует, что изменение эмоционально-личностного аспекта языка и вообще его внутренних связей при изменении внешних условий происходит в определенном направлении, которое с большей вероятностью даст в будущих схожих условиях более эффективное действие, более эффективное регулирование своего и чужого поведения. Другое следствие: в силу различия между информацией и знанием (лично переживаемой и эмоционально оцениваемой информацией) язык отдает во внешнюю среду не только информацию о некотором объекте, но и информацию о его оценке самим языком (точнее, конечно, субъектом деятельности), т.е. о своих собственных состояниях.

Сказанное дает возможность охарактеризовать устойчивое неравновесие языка и внешней среды. Устойчивое неравновесие языка — это такое его состояние, при котором он не просто обладает избытком знания, но и способен использовать этот избыток для поддержания неравновесия. Такое состояние не поддерживается стихийно и требует притока информации извне, которая должна не использоваться непосредственно как таковая, а перерабатываться языком и сознанием.

Итак, чтобы можно было с необходимостью, а не по случайности определить язык как живое (осуществляющий жизнь в вышеуказанном смысле и опирающийся на живое знание человека), он даже при неизменной окружающей социокультурной среде должен быть способным, реализуя свободное живое знание, осуществлять такую деятельность, которая приводит и к изменению условий внешней среды, и к изменению внутренних связей и состояний самого языка. Кроме того, эта деятельность должна искажать или целенаправленно регулировать в зависимости от состояний и нужд субъекта деятельности прямое воздействие на язык (и вообще сознание и поведение субъекта) со стороны внешней среды в данный момент и обеспечивать предвидение и искажение будущих воздействий.

Если эти два требования не выполняются, язык невозможно назвать живым, его жизнь приостановлена или остановлена. Пассивность и вместе с ней смерть языка – это усвоение ровно того количества информации, которое в него поступает извне, а равно и отдача в среду ровно того количества информации, которое требуется для некоторого изменения ее условий. Следовательно, язык не может быть назван живым (все так же в указанном выше смысле, а не в смысле привычного выражения «мертвые языки», т.е. такие, на которых никто, кроме лингвистов, не говорит), если между ним и окружающей социокультурной средой установилось равновесие (его можно условно назвать информационным равновесием).

Наступит равновесие при определенном состоянии среды или нет и, следовательно, будет язык способен осуществлять деятельность при определенном состоянии среды или нет – это зависит от состояний и внутренних связей языка. Если происходящие в языке процессы служат источником свободного живого знания и если в языке существует некоторое «приспособление», способствующее превращению свободного знания в действие, изменяющее внутренние связи самого языка, то язык вследствие этого действия при константных внешних условиях останется способным совершить действие, а без этого «приспособления» он пришел бы в равновесие со средой.

Действительно, жизнь языка при любых условиях окружающей среды имеет целью устранение равновесия со средой и сохранение собственного неравновесия. Для этого в языке должно быть «приспособление», превращающее свободное знание в деятельность. Такое «приспособление», однако, содержится не в самом языке, а является одним из существенных свойств сознания. Это – опережающее отражение действительности.

Отвлечемся и уясним, что имеется в виду под опережающим отражением. Оно является лишь одной из форм фундаментальной отражательной способности живой материи, на основе которой сформировался и специализировался мозг как орган психической деятельности и орган всеобщего отражения мира в сознании человека [Анохин 1978: 25]. Последовательно и повторно развивающиеся события внешнего мира создают условия для возникновения в поведении живого (особенно обладающего нервной системой) существа «предупредительного» приспособления к предстоящим изменениям среды, к будущим событиям [Там же: 41–42, 172–174, 177, 181]. В основе опережающего отражения лежат именно значимые для живого организма факторы окружающей среды: «Именно биологически значимые или эмоциогенные раздражения, скрепляющие следовые реакции от прежних раздражений, составляют необходимое условие, подготавливающее путь для будущих опережающих реакций под действием какого-то отдаленного звена пространственно-временного континуума» [Там же: 173].

Вернемся. Все сказанное до сих пор означает, что язык не выполняет никакой другой деятельности, кроме деятельности против равновесия. А свободное знание изменяет структуру и связи самого языка, но не осуществляет непосредственно деятельности против воздействий окружающей среды. Язык путем усвоения и переработки опыта переживания мира и жизни в нем создает в себе самом собственный источник информации за счет существующего в нем же свободного живого знания.

Структуры языка не находятся в равновесии, и для его поддержания необходимо постоянно возобновлять избыток информации, перерабатываемой в знания. Информация, поступающая извне, употребляется в языке для построения, возобновления и развития свободного живого знания, а не непосредственного использования в деятельности. Накапливаемый опыт деятельности и усвоения лично-значимой информации употребляется для создания пристрастного отношения к миру, для возникновения, сохранения и развития свободного знания, а не для непосредственного его превращения в информацию, т.е. в тексты.

В языке только его внутренние ресурсы являются источником деятельности, хотя и вызываются, как бы провоцируются определенными изменениями внешней среды. Поэтому происходящее в познавательной деятельности и общении превращение информации в живое знание является необходимым условием для сохранения жизнеспособности языка.

Отсюда вывод: структуры живого языка обладают знанием (перцептивно-когнитивно-аффективным опытом деятельности), которое может уменьшаться в данных условиях, т.е. эти структуры неравновесны, и в языке всякая внутренняя (размышление, воображение и т.п.) деятельность или направленная вовне (речь, действие и т.п.) только за счет этого неравновесия.

Во всякой искусственной системе переработки информации внутренние состояния ее частей остаются за редчайшим исключением неизменными, они служат только для прямого превращения некоторой поступающей в них информации в тексты. В языке в речевую деятельность и ее продукты (тексты) трансформируется знание, в том числе свободное. Воспринятая извне информация устных и письменных текстов при помощи структур языка и других явлений психики не трансформируется в деятельность, а идет на возобновление и поддержание внутренних связей языка и свободного живого знания.

Следовательно, поступающая извне информация через общение, в которое вовлечен человек, нарушает имеющиеся структуры языка и знания. Точнее, конечно, не сама она: информация через опережающее отражение результата общения подталкивает язык и вообще сознание к такому изменению. В этом и состоит роль речевого общения. В данном случае неважны мотив, условия и характер осуществления речевой деятельности, важно лишь, что деятельность языка возможна только вследствие временного нарушения связей между образами и/или ассоциированными с ними языковыми знаками и что восприятие и порождение речи находятся в противоречии друг другу, поскольку первое сопровождается переработкой и частичным разрушением того, что лежит в основе второго. С другой стороны, порождение речи содержит в себе и внутреннее противоречие: само оно основывается на определенных внутриязыковых связях, но его результат (который в силу внешних условий может оказаться далек от запланированного) вносит изменения во внутренние связи языка, частично разрушая и перестраивая их.

Эти противоречия (по большей части между усвоением опыта и организацией собственной и чужой деятельности, осуществляемыми посредством языка) с необходимостью даны в самом языке и неотделимы от законов его движения и жизни. Раз возникнув, язык не может не осуществлять деятельности (направленной в основном внутрь – познания, как и направленной в основном

вовне – общения). Поэтому речь, речевая деятельность, общение с помощью языка, наличествующая хотя бы в самой слабой степени, является общим свойством языка, одной из форм его жизни (наряду, например, с внутренней речью или мышлением, осуществляемым средствами языка в виде монолога). Отсюда следует, что противоречие и обоюдонаправленность построения знания (познание) и его реализации (речь) появляется уже с возникновением языка, т.е. с появлением самых первых связей между образами сознания и языковыми знаками. Противоречие (скорее, диалектика) обуславливается, с одной стороны, тем, что язык должен воспринимать извне информацию, нужную для поддержания его жизни (лежащего в ее основе неравновесия), чтобы жить и действовать в меняющемся мире, а с другой стороны – тем, что поступающая извне информация не переходит непосредственно в деятельность.

Однажды возникнув, язык неминуемо развивается, поскольку помогает более эффективно осуществлять различные виды деятельности, перестраивает способы осуществления деятельности, психические явления и сознание. Развитие внутренних связей языка должно происходить в двух направлениях: 1) в направлении увеличения разнообразия используемых (или потенциально могущих быть использованными) источников знаний и разнообразия условий их использования; 2) в направлении увеличения разнообразия форм деятельности в пределах одной и той же группы людей (или разных групп) и увеличения разнообразия условий, пригодных для речевой деятельности. При этом следует помнить, что различные группы людей не существуют отдельно и независимо друг от друга (иногда границы между ними не более чем условность), они сосуществуют во времени и пространстве социально-культурного взаимодействия, обеспечивая друг друга источниками знаний.

Нетрудно понять, что в ходе возникновения языка и нарастания его внутреннего разнообразия речевая деятельность (как в форме восприятия, так и в форме порождения речи) становится все более важной и увеличивается количественно. Хотя такое увеличение происходит через единичные случайные акты в случайных условиях, их повторяемость и обобщение в опыте дают закономерные следствия. В частности, близкие по условиям возникновения и развития языки, пользующиеся для поддержания неравновесия одинаковыми источниками информации в одинаковых условиях, будут иметь схожие внутренние связи и состояния (разумеется, не все и не во всем схожие), развивающиеся к тому же схожим образом, а вновь возникающие связи, могущие использовать новые источники информации и/или порождаемые этими последними, в начале такого использования будут иметь минимальную способность перестраивать эту информацию в знания и осуществлять в соответствующих новых условиях речевую деятельность с последующим нарастанием этих способностей.

Важно тем не менее отметить одно обстоятельство. Объем речи в сравнении с объемом изменений внутренней структуры языка увеличивается. Это происходит потому, что общие итоги большого количества актов общения не способны более вносить существенные (именно существенные) изменения в язык. Акты общения становятся все более похожи друг на друга, и тогда эти однотипные речевые акты не требуют затрат знаний на осуществление деятельности и не нарушают в существенной степени устойчивое неравновесие языка.

Люди целенаправленно создают такие знаки, которые иначе организуют взаимоотношения между языком и речевой деятельностью, между информацией и знаниями. Термины – показательный пример таких систем: необходимо обладать особым, профессиональным, опытом, чтобы информация, содержащаяся в термине, определенным образом меняла язык. Сюда относится также любой «тайный» язык (в смысле набора знаков), известный только двоим или группе людей.

Если законы живого языка имеют своей необходимой предпосылкой неравновесные состояние (точнее: совокупность состояний, обеспечивающих неравновесие) и динамику его структур, то спрашивается: «Чем обусловливается это самое состояние? Чем обусловлено неравновесие языка?»

Ответ, по-видимому, состоит в следующем: неравновесием образов сознания.

Если отвлечься от специальных случаев и рассматривать только такие образы сознания, в которых наличествуют все свойственные им аспекты, то можно констатировать, что во всяком образе имеется пять аспектов: языковой (материальная форма языкового знака), предметный (собственно образ предмета, явления или ситуации), когнитивный (значение), эмоциональный (личностный смысл), телесный (запечатленные в памяти, а также актуально вовлеченные в деятельность физиологические состояния и акты) [Василук 1993]. Следует пояснить, что аспекты образа не являются некоторыми отдельностями, из суммирования которых можно составить образ. Образ существует всегда во всех пяти аспектах, но в зависимости от деятельности и условий ее осуществления значимость приобретает какой-то один, хотя участвуют всегда все.

В свете всего сказанного можно заключить, что для возникновения и сохранения свободного живого знания, лежащего в основе устойчивого неравновесия языка, необходимо превалирование эмоционально-смыслового аспекта образа сознания.

Личностный смысл есть «...отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению)» [Леонтьев Д.А. 2007: 114]. Если некоторое явление переживается человеком как значимое, необходимое для его жизни или значительной ее части, это и означает, что данное явление обладает личностным смыслом. Иными словами, это означает, что между человеком и явлением установилась такая связь, в силу которой именно данное явление переживается как имеющее отношение к реализации некоторой потребности человека (от потребности сиюминутной до жизненной).

Смыслы – это те формы переживания мира, в которых отношения субъекта к некоторому объекту даны самому субъекту. Но отношение не может быть дано непосредственно, а только через определенную чувственную ткань – через эмоцию. «...Эмоциональная реакция, как правило, сигнализирует нам о личностном смысле. Можно говорить о том, что эмоции выполняют вспомогательную функцию презентации личностного смысла на осознаваемом уровне, не столько содержательно отображая его (это невозможно, поскольку смысл гораздо сложнее и глубже эмоции), сколько привлекая к нему внимание и ставя задачу на его содержательное раскрытие» [Там же: 164–165].

Но зачем вообще нужны эмоции самому человеку? Во-первых, эмоции в некоторой данной ситуации отражают адекватность или неадекватность этой ситуации относительно мотивов и целей деятельности человека [Леонтьев А.Н. 2001: 474]. Во-вторых, они отражают то, какую значимость уже совершенное действие имеет для человека, чтобы тот был готов к соответствующей организации своей деятельности в схожих будущих условиях. В-третьих, именно через эмоции как особые состояния сознания человек (т.к. сам личностный смысл не дан ему) организует собственную деятельность [Там же: 479].

Не обязательно, чтобы во всех образах сознания превалировал смысл (абсолютно для всех образов это, видимо, невозможно), но обязательно, чтобы существовали такие образы, в которых смысл всегда превалирует, и образы, в которых смысл потенциально может превалировать в зависимости от условий. Неравновесие образа в сторону смысла обеспечивает возникновение свободного живого знания, а вовлеченность данного образа в деятельность (а значит, организация и осуществление деятельности в соответствии со смыслом, а не только со значением) обеспечивает поддержание неравновесия образа. В таком случае способ осуществления деятельности, а также ее результат будут значимы, не будут безразличны для субъекта, что и внесет эмоционально-личностное переживание в измененный посредством деятельности образ сознания и зафиксируется в связи образа с материальной формой языкового знака.

Поддержание неравновесия образа через деятельность, организуемую с существенной ролью личностного смысла, соответствует важнейшим свойствам сознания. Выше ставилась задача нахождения таких всеобщих законов языка, в основе которых лежат всеобщие свойства и законы сознания. Такими свойствами является активность и пристрастность сознания, а законами – преломление отраженных в сознании предметов и явлений в зависимости от их места и роли в деятельности и в опережающем отражении. Точно так же и личностный смысл, лежащий в основе свободного живого знания, позволяет давать предметам, явлениям и ситуациям субъективную оценку в зависимости от их роли в регуляции и организации речевой деятельности (организации усвоения и передачи опыта познания мира и жизни в нем), а также в регуляции и организации уже имеющегося опыта для более эффективного познания и общения в будущем. Эффективного — с позиций личности, т.е. лично значимого, необходимого для жизни и развития личности.

Выше был поставлен вопрос: что является предметом языкознания? Разумеется, языкознание — это комплекс дисциплин, изучающих не один какой-то предмет, а широкую предметную область. И коль скоро язык рассматривается не во всем богатстве своих аспектов, а только как достояние человека, как форма (точнее: одна из форм) существования индивидуального сознания, то этот вопрос конкретизируется: «Что является предметом психолингвистики?» Все сказанное позволяет на него ответить. Психолингвистика как наука о языке в очерченном выше содержании понятия «язык» (язык как достояние человека) имеет в качестве предмета закономерности того, каким образом и насколько сильно разные условия внешней среды и их изменения влияют при сохранении устойчивого неравновесия языка на изменение внутренней структуры образов, ассоциированных со словами, в общем и целом и относительно разных групп людей.

Литература

Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.

Бауэр Э.С. Теоретическая биология. М. Л.: Изд. ВИЭМ, 1935. 151 с.

Василюк Ф.Е. Структура образа // *Вопросы психологии*. 1993. № 5. С. 5–19.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: Учебник. 2-е изд. испр. и доп. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. 560 с.

Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Часть I. Живое знание (2-е испр. и доп. изд.). Самара: Самарский Дом печати, 1998. 296 с.

Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2009. 112 с.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 511 с.

Поливанов Е.Д. Введение в языкознание (для востоковедных вузов). Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. – 232 с.

Степин В.С. Теоретическое познание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

Фортулатов Ф.Ф. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1956. 450 с.

LANGUAGE AS THE OBJECT OF PSYCHOLINGUISTICS FROM THE PERSPECTIVE OF E.S. BAUER'S IDEAS

Andrey A. Yakovlev

Assistant professor

Department of romance languages
and applied linguistics, SibFU

82a, Svobodny av., Krasnoyarsk, Russia

mr.koloboque@rambler.ru

The paper analyzes the object of psycholinguistics from the perspective of some ideas of Ervin S. Bauer. Language is understood as the property of individual; as an open self-organizing functional system of images associated with the sign's material form which while expressing thoughts and feelings shapes one's own and others' behavior through the expression of thoughts and feelings. Due to the free knowledge that is biased towards the world and cannot be reduced to the information obtained from the outside, there exists a stable disequilibrium between the language and the outer world, that makes up the language main feature. When exposed to the external factors, i.e. when the environment changes, the language performs activities that compensate for the effects of the environment. The language changes both the external influence, and its internal connections and states. The phenomena of consciousness that cause such a double action of the language are an anticipatory reflection of reality, and they provide for the presence

of the personal sense in the images of consciousness. The dialectics of the language is conditioned, on the one hand, by the fact that for the maintenance of disequilibrium the language refracts the information perceived from the outside, on the other hand, by the fact that information coming from the outside does not pass directly to the activity. The subject matter of psycholinguistics is regarded as laws driven by the environment along with the stable disequilibrium change the internal structure of images associated with words, in general and in relation to different groups of people.

Keywords: object of psycholinguistics, Erwin Bauer, stable disequilibrium, anticipatory reflection, personal sense

References

Anokhin P.K. (1978) *Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funkcional'noj sistemy* [Selected Works. Philosophic aspects of the theory of functional system]. Moscow: Nauka. 400 P. Print. (In Russian)

Bauer E.S. (1935) *Teoreticheskaja biologija* [Theoretic Biology]. Moscow, Leningrad: Izd. VIEM. 151 P.

Vasiljuk F.E. (1993) *Struktura obraza* [Image structure]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology]: 5: 5–19. Print. (In Russian)

Zalevskaja A.A. (2005) *Psiholingvisticheskie issledovanija. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy* [Psycholinguistic Research. Word. Text. Selected works]. Moscow: Gnozis. 543 P. Print. (In Russian)

Zalevskaja A.A. (2007) *Vvedenie v psiholingvistiku* [An Introduction to Psycholinguistics]. Moscow: Rossijsk. gos. gumanit. un-t. 560 P. Print. (In Russian)

Zinchenko V.P. (1998) *Psihologicheskaja pedagogika. Materialy k kursu lekcij. Chast' I. Zhivoe znanie* [Psychological Pedagogy. Materials to the lectures course. Part one: living knowledge]. Samara: Samarskij Dom pečati. 296 P. Print. (In Russian)

Ilyenkov E.V. (2009) *Shkola dolzhna učit' myslit'* [School Should Teach Thinking]. Moscow: Izd-vo Mosk. psihologo-social'nogo in-ta; Voronezh: Izd-vo NPO «MODEK». 112 P. Print. (In Russian)

Leont'ev A.N. (2001) *Lekcii po obshhej psihologii* [Lectures on General Psychology] Moscow: Smysl. 511 P. Print. (In Russian)

Leont'ev D.A. (2007) *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of Sense: Nature, Structure and Dynamics of Conceptual Reality]. Moscow: Smysl. 511 P. Print. (In Russian)

Polivanov E.D. (2006) *Vvedenie v jazykoznanie (dlja vostokovednyh vuzov)* [An Introduction to Linguistics (for universities of oriental studies)]. Moscow: KomKniga. 232 P. Print. (In Russian)

Stjopin V.S. (2000) *Teoreticheskoe poznanie* [Theoretical Cognition]. Moscow: Progress-Tradicija. 744 P. Print. (In Russian)

Fortunatov F.F. (1956) *Izbrannye trudy. V 2 t. T. 1* [Selected Works. In 2 Volumes. Vol. 1]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo. 450 P. Print. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук

и

Российский университет дружбы народов

06–08 июня 2019 г.

проводят XIX международный симпозиум
по психолингвистике и теории коммуникации

«ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ»

Основная проблематика:

- **Методология и теория речевой деятельности.**
- **Проблемы анализа сознания.**

Языковое сознание: онтология и гносеология.

Русское языковое сознание: динамика и вариативность (конец XX–начало XXI вв.).

Аксиологическое языковое сознание: проблемы анализа.

- **Межкультурное общение.**

Межкультурное общение: контакты и конфликты.

Би-, поли-, транслингвизм: теоретический анализ и практика.

Психолингвистические проблемы перевода.

- **Новые методы анализа речевых практик: цифровая реальность.**

Мультимодальность современной коммуникации.

Медиатекст в новой информационной среде.

Современные технологии анализа текста.

Психолингвистический анализ больших данных.

Новые медиа как материал для психолингвистического анализа.

- **Ассоциативные базы данных.**

Ассоциативные базы данных: обработка и анализ.

Слово как средство доступа к информационной базе человека.

Ассоциативная лексикография.

- **Онтогенез языка.**

Овладение языком в онтогенезе.

Речевые патологии как инструмент анализа речевых практик.

- **Проблема анализа гипертекста: производство и восприятие.**
- **Экология языкового сознания и родного языка.**
- **Психолингвистические аспекты преподавания русского языка.**
- **Право в языковом сознании.**

Право в обыденном языковом сознании.

Особенности правосознания носителей разных языков/культур.

Закон и его восприятие в обыденном языковом сознании: региональный аспект.

- **Круглый стол «Диагностика и коррекции трудностей письма и чтения».**

- **Круглый стол «Гендерная лингвистика в третьем тысячелетии».**

- **Круглый стол «Русский язык и процесс глобализации: проблемы**

научного осмысления и защиты в свете глобалистской ревизии научных концепций».

- **Круглый стол «Психолингвистическое исследование феномена**

полиглотии».